

Бобин Николай Ипполитович

Биографические сведения

Ю.А.Якушин

Н.И. Бобин с супругой Эмилией Иосифовной Петровской

Родился Николай Ипполитович Бобин 2 декабря 1876 года в заводе Молебском Пермской губернии. В 1901 году его изгнали из Петербургского института путей

сообщения и отправили в административную ссылку за участие в студенческих волнениях. Институт ему удалось окончить только в 1904 году.

С тех пор вся жизнь Николая Ипполитовича была связана с железной дорогой. Забыв об ошибках молодости, он отошел от политики. Был он чистым технарем и считал, что, добросовестно исполняя свое любимое дело, служит России, независимо от того, кто ее возглавляет - белые ли, красные ли, черные ли, синие ли, зеленые ли или еще какие цветные радители о ее благе. Дело же свое, судя по всему, делал он хорошо и с простыми железнодорожниками умел найти общий язык. Во всяком случае, после февральской революции железнодорожники Пермской дороги, где до этого Бобин служил на разных должностях, избрали его начальником дороги.

После чехословацкого переворота и прихода к власти Временного Сибирского правительства постановлением № 197 от 31 октября 1918 года, подписанным председателем Совета Министров Вологодским и управляющим министерства путей сообщения Степаненко, Николай Ипполитович Бобин от занимаемой должности был освобожден. Ходили слухи, что отстранили его от должности за то, что был он слишком либеральным, слишком демократичным начальником дороги.

Оставшись не у дел, Николай Ипполитович решил навестить свою мать в Молебском заводе. Помотавшись по Южному Уралу, охваченному гражданской войной, так и не добравшись до матери, через Уфу он смог добраться до Екатеринбурга. Работы не было, средства к существованию кончались, и Николай Ипполитович перебрался в Омск, где повезло ему получить должность начальника отдела транспорта главной конторы Центрального союза потребительских обществ для Сибири, Урала и Поволжья.

8 января 1919 года Николай Ипполитович поехал в Пермь за семьей - женой Эмилией Иосифовной и пятилетним сыном Львом, дабы перевезти их в Омск. В Перми его застал приказ генерала Гайды, которым Пермская железная дорога объявлялась на военном положении, а ее начальником назначался Бобин¹.

Обладавшему хорошими организаторскими способностями начальнику дороги даже в условиях разрухи удалось наладить сносное функционирование железнодорожного транспорта. Когда встал вопрос о сдаче Перми, Бобин не без успеха занимался организацией эвакуации по железной дороге воинских частей и гражданских учреждений. Потом он занимался разгрузкой Богдановичского железнодорожного узла, возглавлял Тюменское отделение Омской железной дороги.

Перед падением Омска высшее железнодорожное начальство, памятуя о его организаторских способностях, откомандировало Бобина, говоря языком железнодорожников, «для расшивки Омского железнодорожного узла», а говоря понятнее - для организации нормального движения на станции Омск и прилегающих станциях, забитых воинскими и гражданскими эшелонами бегущих на восток колчаковцев.

Организовав техническое исполнение этой непростой задачи, Бобин вместе с белыми отступал до Красноярска, где и был пленен красными.

При очень большом желании можно было отыскать в действиях Бобина два факта, которые можно было бы, опять же с очень большой натяжкой, расценить как вину перед Советской властью.

Факт первый. Им была создана чрезвычайная комиссия по чистке Пермской железной дороги от большевиков и бывших советских служащих. Но, оценивая этот факт, следовало бы учесть, что, создавая такую комиссию, он просто исполнял постановление правительства. К тому же, как утверждал сам Бобин, такая комиссия была им создана чисто формально, и ни один работник им не был уволен по мотивам принадлежности к большевикам или за службу в советских учреждениях. Из имеющихся в деле документов можно вполне определенно усмотреть, что начальник дороги просто саботировал указание о чистке дороги от большевиков. Вопреки инструкциям он резко ограничил круг работников, подлежащих «проверке на лояльность», и, кроме того, прикинувшись простачком, неоднократно запрашивал министерство путей сообщения - кто и каким образом подлежит проверке и какие меры к неблагонадежным следует применять. За свою «непонятливость» он даже получил «втык» от министра путей сообщения Устругова.

Конечно, действовал так начальник дороги отнюдь не из симпатий к большевикам и Советской власти, просто ему нужны были хорошие работники, их же политические убеждения его меньше всего интересовали. Какими бы мотивами он не руководствовался, фактически саботируя указание о чистке дороги от большевиков, сам факт создания «комиссии по лояльности» вряд ли можно рассматривать как вину перед Советской властью.

Факт второй. Организация эвакуации белых из Перми и Омска. Но и эти действия вряд ли можно расценивать как «контрреволюционные», поскольку Бобин просто добросовестно исполнял возложенные на него обязанности и занимался чисто техническими вопросами организации движения на железной дороге.

Тогда, в кровавой суматохе гражданской войны, было не до таких тонкостей. Тогда все было ясно - служил Колчаку, значит, враг.

Судьбой задержанного в Красноярске бывшего начальника Пермской железной дороги заинтересовались сразу несколько транспортных ЧК.

Из Томска в Красноярск телеграфировал Рудый:

«Срочно отправьте под усиленной охраной арестованного инженера Бобина в Томск мое распоряжение. Предупредить сопровождающих что за сбега арестованного будут преданы суду революционного трибунала».

Одновременно Рудый телеграфировал в транспортные ЧК Екатеринбургa и Омска:

«По моему распоряжению Красноярске арестован задержан Бобин точка. Прошу срочно сообщить направлять ли вам такового или обвинительный материал будет вами выслан Томск для дачи местную ТЧК».

Сошлись на том, что расследовать дело будут в Томске. Для этого туда прибыл сотрудник экспедиции РТЧК Омской, Томской железных дорог и Обь-Енисейского водной бассейна Ноздрачев. 25 января 1920 года милиционеры Томской железнодорожной милиции Алексей Романюк и Филипп Фомченко приняв инженера Бобина от председателя Томской Головной Транспортной ЧК Трифонова и секретаря Главного комиссара Томской железной дороги Еловикова, повезли инженера Бобина из Красноярска в Томск. Напуганные грозным предписанием Рудого о том, что за «сбег» арестованного они будут преданы суду ревтрибунала, милиционеры не сводили глаз с инженера-арестанта. А Бобин бежать и не собирался. Не чувствовал он своей вины перед Советской властью и

не считал себя контрреволюционером. Позднее, уже в Омске, он говорил по этому поводу:

«Я не мог и не могу быть контрреволюционером. Еще в ученические годы я был привлечен к ответственности за распространение нелегальной литературы. Дело было прекращено вследствие коронационной амнистии. В 1905 году я состоял председателем Центрального комитета служащих и рабочих Пермской дороги. Крупной собственности никогда не имел».

Это было позднее, а пока, благополучно прибыв в Томск под неусыпными взглядами двух бдительных милиционеров, Бобин на первом же допросе не признал себя виновным в каких-либо контрреволюционных действиях.

Тогда же он дал любопытную характеристику колчаковского режима и высказал свое отношение к Советской власти:

«Ш».

Из этого заявления можно сделать вывод, что хотя Бобин и служил «атаманщине» Колчака, после его падения он, так сказать, «разоружился», признал новую власть и был готов служить ей верой и правдой.

Тем не менее, Ноздрачев 4 февраля 1920 года составил документ, именуемый «характеристика дела № 3»; видимо, заменяющий в то время обвинительное заключение. В нем Ноздрачев писал (стиль подлинника сохранен):

«Характерно отметить, что Бобин, как специалист инженер-техник и как видно из его биографии после окончания института быстро получал повышение по службе, но как человек бюрократического строя после свержения царизма, когда власть пришла к народу, то Бобин не пошел навстречу народу и не отдал свои технические знания на строительство рабочей крестьянской власти, а всячески старался подорвать транспорт, за что и был уволен от службы Главным железнодорожным комитетом, а 10 января 1919 года Советская власть пала, то он как техник своего дела был назначен чешским генералом Гайда на прежнюю свою должность, где Бобин извлек все свои технические знания по восстановлению транспорта в пользу бюрократического строя.

Заключение.

Принимая во внимание изложенное предъявленное обвинение инженеру Бобину в контрреволюционной деятельности против Советской власти, нахожу установленным, исходя из вещественных доказательств и его личности, предлагаю:

1. Инженера Бобина, как вредного для Советской власти, подвергнуть высшей мере наказания, т.е. расстрелять, принимая во внимание постановление об отмене смертной казни, заменить таковую заключением в концентрационные лагеря впредь до окончания гражданской войны.

2. Дело прекратить и сдать в архив».

Абсурдное решение! Мало того, что никакой вины перед Советской властью у Бобина не было, так в документе Ноздрачева был еще и явный юридический нонсенс: если

«дело прекратить и сдать в архив», то как же по прекращенному делу можно было наказывать инженера Бобина?

Однако в тот день «тройка» экспедиции РТЧК Омской, Томской железных дорог и Обь-Енисейского бассейна в составе Игнатьева, Россье и Ноздрачева, признав виновность Бобина в контрреволюционных действиях против Советской власти и активном участии по вылавливанию советских работников вполне доказанной, подтвердила это решение, постановив:

«К инженеру Бобину применить высшую меру наказания, т.е. Расстрелять, но ввиду отмены смертной казни гр.Бобина заключить в концентрационный лагерь впредь до окончания гражданской войны».

Дело «вместе с личностью» пошло на утверждение в Омскую РТЧК («с личностью» означает, что Николай Ипполитович Бобин был отправлен в Омск, где его допросили один-единственный раз).

В Омске кто-то начертал на «характеристике дела № 3», составленной еще в Томске, совершенно безумную резолюцию:

«Признать обвинение Н.И.Бобина в активной борьбе со сторонниками сов. Власти доказанным и применить к Бобину высшую меру наказания, т.е. Расстрелять». И четыре подписи, разборчивая из которых только одна - председателя Омской губернской ЧК Уралова.

Безумное решение Омской ЧК должен был утвердить (или не утвердить) полномочный представитель ВЧК по Сибири Павлуновский. Казалось бы, необходимо отменить расстрел, поскольку смертная казнь в Советской России была отменена. К тому же за жизнь Н.И.Бобина началась настоящая битва на самом высоком уровне.

Каким образом в Москве узнали об инженере Бобине? Возможно, жена его Эмилия Иосифовна писала жалобы в высокие инстанции, прося спасти мужа. Возможно, Николая Ипполитовича знали в Москве как хорошего организатора работы железнодорожного транспорта (тогда в России не так уж много было начальников железных дорог) и его опыт хотели использовать для восстановления нарушенного гражданской войной устойчивого железнодорожного движения. Но факт остается фактом: за бывшего начальника Пермской железной дороги вступились на самом высоком уровне.

В Омск пришла телеграмма:

«Телеграмма чрезвычайная. Вне очереди. Получена 1/III-1920 г. в 8 час. 30 мин утра по телеграфу

Омск РТЧК угол Волковской и Симоновской 28 из Москвы-Кремля № 129

Прошу приведение приговора к расстрелу над инженером Бовиным приостановить впредь до распоряжения Президиума ВЧК

Пред. ЦИК Калинин».

Еще через день в Омск Уралову и в РТЧК поступила более категоричная телеграмма:

«Военная вне очереди по прямому проводу

Пришлите немедленно краткой запиской данные дел инженеров Бобина и Плахтия арестованных Омской РТЧК Предписываю воздержаться от применения каких бы то ни было мер наказания без моего разрешения за вашей Омской РТЧК ответственностью 362

Председатель ВЧК Дзержинский».

Эта телеграмма в копиях ушла ЦЧ Свердлову и в НКПС.

Заместитель народного комиссара путей сообщения - начальник отдельной экспедиции Свердлов телеграфировал из Екатеринбурга:

«Омск ГубЧУ Уралову

копия РТЧК Ивонину

Москва НКПС Маркову

Вследствие получения из центра разъяснений в дополнение моего отношения 3043 предлагаю приведение в исполнение приговора по делам Бобина Плахтия Кругликова Козырева отсрочить впредь до распоряжения центра - 3240

Замнаркомпутъ Свердлов».

13 марта 1920 года Свердлов, подписавшийся на сей раз только как начальник отдельной экспедиции НКПС, телеграфирует в Омский исполком, политотдел дороги и РТЧК обязательность исполнения процитированной мною телеграммы председателя ВЧК Дзержинского, прилагая к своей телеграмме ее текст.

Помимо телеграмм Свердлова Народный комиссариат путей сообщения шлет в Омск телеграмму уже из Москвы:

«Омск РТЧК копия казенный дом номер 264 инженеру Пригоровскому

Получил сообщение что инженер Бобин может быть освобожден на поруки под мое телеграфное поручительство Если рассмотрение дела находится в такой стадии когда освобождение возможно то могу дать поручительство что Бобин должен по первому требованию ревтрибунала явиться для предоставления всех необходимых объяснений Принятые меры прошу телеграфировать №1372 ЦП

Мартков».

И что же дальше? А дальше произошло нечто странное и жуткое. Игнорируя просьбу главы высшего государственного органа - ЦИК, игнорируя приказ своего непосредственного высшего начальника - председателя ВЧК, игнорируя, наконец, постановление ЦИК и СНК об отмене смертной казни, Иван Павлуновский написал синим карандашом:

«РТЧК поручается приговор о расстреле Бобина привести в исполнение до первого мая с/г».

Почему так спешил Павлуновский? Думаю, потому, что 1 мая 1920 года ожидалась амнистия (они проводились ежегодно 1 мая и 7 ноября), и тогда Бобин избежал бы не только расстрела, но и вообще какого-либо наказания.

Вскоре в деле появился еще один документ: *«Акт 1920 года апреля 30 дня*

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий в том, что сего 30 апреля в 11 часов 30 минут приведен в исполнение приговор высшей меры наказания, т.е. Расстрел, над гражданами:

- 1. Николая Ипполитовича Бобина*
- 2. Степана Прокофьевича Плахтий*
- 3. Ивана Афанасьевича Козырева*

что подписями подтверждается

Председатель РТЧК Херувимом

Секретарь ГубЧК Р.Лепсис

Комендант ГубЧК Гужанов».

Чекисты скрупулезно выполнили указание Павлуновского. Они спешили (обратите внимание на дату - 30 апреля), чтобы тройка несчастных, не дай Бог, не дожидая до амнистии.

Незадолго до расстрела Николаю Ипполитовичу Бобину исполнилось 44 года. Он был полон сил и готов был служить России. Не пришлось...

БОБИН Николай Ипполитович, 1876 г.р., русский, уроженец г. Красноуфимск Красноуфимского уезда Пермской губ. Начальник Пермской ж/д. Образование высшее. 17.03.1920 арестован в Перми. 04.02.1920 экспедицией РТЧК Омской, Томской железных дорог и Обь-Енисейского водного бассейна за активную борьбу со сторонниками советской власти, без ссылки на закон, приговорен к расстрелу. Расстрелян 30.04.1920. Реабилитирован 25.04.1995 прокуратурой Омской обл.

Фото. В 1917 г. исполняющий должность начальника Пермской ж.д. Бобин с супругой Эмилией Иосифовной Петровской (ГАПО Ф. Р-973. Оп.1. Д.891.

¹ Освобождение России (Пермь). – 1919. – 11 января.